

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Средн. Подъяч., № 1.

1882.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Гербордова біографія Оттона, епископа
Вамбургскаго (Продолженіе.) . . . . . А. Петрова.

Исполнитъ Илья Муромецъ у Лунса Де-Ва-
отидо, ... АЛЕКСАНДРА ВОСКРЕ-
СНАГО.

Князь Торонещій Мстиславъ Мстиславичъ. В. Вузукула.

Критика и библиографія.

Русскія драматическія произведенія 1672 — 1725 гг. . . . . П. Морозова.

Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. . . . . Н. Помыловскаго.

Geologische und physico-geographische Beobachtun-
gen in Olonезer Bergrevier . . . . . А. Иностранцева.

Richard junior. Het leven von M-r Nicolaus Corne-
lius Witsen (1641—1717). . . . . А. Бреннера.

Путешествіе въ Сивай въ 1881 году. Изъ путевиыхъ
записокъ . . . . . В. Стахова.

Еще разъ о значеніи славы Гунновъ. . . . . В. Васильевскаго.

Наша учебная литература. . . . . П. Колумбуса.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея
учебной дѣятельности М. С. Буторги . . . . . В. В.

Работы нашихъ среднихъ и высшихъ учеб-
ныхъ заведеній по рисованію, черче-
нію и моделированію.

В. В. Мавушевъ. (Некрологъ.) . . . . . Антопа Будиловича.

Отдѣлъ классической филологіи.

(Он. на 3-й стр. обертки).

В. В. МАКУШЕВЪ.

(Некрологъ).

Печальны послѣдніе годы въ лѣтописяхъ русской славистики! Одинъ за другимъ сошли въ короткое время со сцены представители старшаго поколѣнія нашихъ славистовъ—Бодянский, Григоровичъ, Срезневскій. Да и ряды ихъ учениковъ замѣтно рѣдѣютъ: безвременно погасъ Гильфердингъ; за нимъ слѣдовалъ Котляревскій; теперь же приходится справлять поминки по Макушеву!

Викентій Васильевичъ Макушевъ родился 11-го ноября 1837 г. въ г. Врестъ-Литовскомъ; отецъ его былъ Русскій, а мать—Полька (изъ шляхетскаго рода Михаловскихъ). Первые девять лѣтъ своей жизни онъ провелъ на западной окраинѣ Россіи, въ Врестѣ и Варшавѣ, гдѣ служилъ отецъ его. Въ 1845 г. семейство Макушевыхъ переселилось въ Петербургъ, гдѣ отецъ Викентія Васильевича вскорѣ (въ 1847 г.) умеръ, а вслѣдъ затѣмъ (въ 1848 г.) скончалась и мать. Въ 1849 г. Викентій Васильевичъ былъ помѣщенъ въ Ларинскую гимназію, изъ которой занимался съ большимъ усердіемъ и успѣшно окончилъ курсъ въ 1856 г. Въ воспоминаніяхъ Макушева объ этомъ періодѣ его ученія видное мѣсто занималъ учитель русской словесности Н. Карелкинъ.

По окончаніи гимназическаго курса Макушевъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета и съ перваго же курса сосредоточилъ свои занятія на славянской филологіи подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго, котораго ученикомъ съ особенной гордостью называлъ себя покойный. И дѣйствительно,

вліяніе Срезневскаго явственно отражается какъ на пріемахъ и характерѣ ученыхъ работъ Викентія Васильевича, такъ и на самомъ его міросозерцаніи, которое имѣло складъ очень положительный. Подобно учителю, Макушевъ любилъ указывать на то, что онъ славяновѣдъ, но не славянофилъ.

Отъ студенческихъ лѣтъ Макушева остался довольно замѣтный литературный слѣдъ въ его медальной диссертациі: „Сказанія иностранцевъ VI—VII вѣковъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, которая была напечатана въ 1861 г. на счетъ университета и до сихъ поръ не утратила научнаго значенія, какъ толковое дополненіе къ Древностямъ Шафарика. Успѣху студенческихъ занятій Макушева не мало содѣйствовало обстоятельство, что онъ жилъ тогда вполне обезпеченно въ домѣ кн. Кочубея. По окончаніи университетскаго курса Макушевъ совершилъ, съ кн. М. В. Кочубеемъ, заграничное путешествіе въ Германію и Францію, продолжавшееся полтора года.

Хотя складъ ума и характера Макушева, а равно и солидная научная подготовка его въ гимназіи и университетѣ, какъ будто предрѣшали уже его ученую карьеру, тѣмъ не менѣе онъ не сразу сталъ на эту дорогу, а подобно Гильфердингу и даже по его внушенію, сдѣлалъ попытку проложить себѣ путь на поприщѣ дипломатическомъ. Но ни служба въ азіатскомъ департаментѣ (съ 16-го мая 1861 по 2-е января 1862 г.), ни званіе секретаря русскаго консульства въ Дубровникѣ (съ 2-го января 1862 по 1-е января 1866 г.) не могли удовлетворить ученыхъ наклонностямъ молодого Макушева. Поэтому онъ оставилъ дипломатическое поприще съ намѣреніемъ посвятить себя всецѣло наукамъ и литературѣ.

Должно впрочемъ признать, что четырехлѣтнее пребываніе Макушева въ Дубровникѣ не пропало безслѣдно для его научнаго развитія. Онъ имѣлъ тамъ случай близко и непосредственно ознакомиться съ языкомъ, бытомъ и исторіей одного изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ уголковъ юго-славянскаго міра, именно съ Далмаціей, Герцеговиной, Черногоріей, Албаніей, что отразилось на его послѣдующихъ занятіяхъ. Большую пользу принесло ему вполнѣ въ основательное знакомство съ италіанскимъ языкомъ, приобретенное въ Дубровникѣ. Къ тому же Викентій Васильевичъ на столько свыкся уже въ студенческіе годы съ научными занятіями, что и въ Дубровникѣ посвящалъ имъ свои досуги. Плодомъ этихъ занятій былъ „Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Дубровницкою республикою“ и цѣлый рядъ мелкихъ статей о Черногоріи, Герцего-

внѣ, Восточномъ вопросѣ и т. д., напечатанныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, Литературной Библіотекѣ и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тогда же собранъ былъ Макушевымъ матеріалъ, на основаніи котораго составлено было его изслѣдованіе „Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“, напечатанное въ Петербургѣ въ 1867 г. и удостоенное вполнѣ стипендіи Уваровской преміи.

Это сочиненіе было и магистерскою диссертациею Макушева. Благодаря этому труду онъ получилъ въ 1868 г. заграничную командировку съ ученою цѣлью, продолжавшуюся три года (до 26-го марта 1871 г.) Во время этой командировки Макушевъ изучилъ въ древнехранилищахъ Италіи массу рукописныхъ матеріаловъ для исторіи Дубровника и другихъ юго-славянскихъ областей, а также Албаніи. Цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы проводилъ онъ въ архивахъ Венеціи, Милана, Турина, Генуи, Флоренціи, Неаполя, Палермо, Анконы и Мантуи и списалъ—большою частью собственноручно до—20,000 памятниковъ на языкахъ латинскомъ, италіанскомъ, французскомъ и испанскомъ. Общій обзоръ результатовъ этого путешествія представленъ имъ въ статьѣ: „Италіанскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи“, напечатанной въ Запискахъ Академіи Наукъ. Постепенная разработка и изданіе этого матеріала исподоволь производились имъ въ теченіе послѣдующихъ 12-ти лѣтъ его жизни, но остались далеко не законченными и въ день его смерти.

Изъ отдѣльныхъ статей, обработанныхъ Викентьемъ Васильевичемъ во время заграничной командировки, особенно вниманія заслуживаетъ его обширная и по первымъ источникамъ составленная монографія о черногорскомъ самованцѣ прошлаго вѣка, Стефанѣ Маломъ, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ 1870 г.

Совокупность всѣхъ разсмотрѣнныхъ научныхъ работъ Макушева содала ему столь видное научное положеніе, что ко времени исхода его заграничной командировки онъ получилъ одновременно почти приглашенія на кафедры славянской филологіи изъ университетовъ Одесскаго, Харьковскаго, Казанскаго и Варшавскаго. Онъ избралъ послѣдній.

26-го марта 1871 г. Макушевъ вступилъ въ должность экстраординарнаго профессора. Лѣтомъ того же года онъ написалъ, на основаніи собранныхъ въ Италіи источниковъ, сочиненіе „Историческія разсказанія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“, за которое въ

октябрѣ получилъ отъ С.-Петербургскаго университета званіе доктора славянской филологіи. Годъ спустя Макушевъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора Варшавскаго университета, а впоследствии (въ 1878 г.) избранъ и въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ.

Со времени вступленія на кафедру Макушевъ посвящалъ большую часть времени обработкѣ курсовъ по исторіи славянскихъ литературъ, въ связи съ исторіей народовъ и нарѣчій. На основаніи единогласныхъ отзывовъ слушателей Макушева, а также самоличнаго обзорѣнія оставшихся по покойномъ записокъ, я могу засвидѣтельствовать, что онъ самымъ добросовѣстнымъ и усерднымъ образомъ исполнялъ преподавательскія обязанности. Всѣ его курсы обработаны по источникамъ и изобилуютъ выдержками изъ нихъ то въ оригиналѣ, то въ переводѣ. Особенно должно это сказать о запискахъ по исторіи польской и сербо-далматинской литературы, которыя Викентій Васильевичъ избиралъ обыкновенно для своихъ специальныхъ курсовъ, читавшихся имъ ежегодно. Впрочемъ, и въ общихъ его курсахъ по исторіи Юго-Славянъ встрѣчается много новыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ его неистощимыхъ итальянскихъ картоновъ, какъ это видно изъ напечатанныхъ частей этихъ курсовъ, напримѣръ: „Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣковъ“, „Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вв.“; „О провін въ древней Сербіи“; „Восточный вопросъ въ XV и XVI вв.“ и др. Славянская діалектологія стояла для Макушева на второмъ планѣ, тѣмъ болѣе, что въ Варшавскомъ университетѣ она преподается особымъ доцентомъ. Тѣмъ не менѣе въ исторіи литературъ славянскихъ онъ отводилъ видное мѣсто обзорѣнію древнѣйшихъ памятниковъ со стороны языка, какъ доказываютъ его напечатанныя чтенія о старочешской и о старопольской письменности. Независимо отъ лекцій, Макушевъ внимательно слѣдилъ за домашними научными работами студентовъ и усердно руководилъ ими при составленіи курсовыхъ и кандидатскихъ сочиненій.

Такимъ образомъ покойный стоялъ на высотѣ своихъ преподавательскихъ обязанностей, и при благоприятныхъ условіяхъ, могъ бы образовать кругомъ себя цѣлую школу славистовъ. Этого однако не случилось, главнѣйшимъ образомъ по той причинѣ, что число студентовъ славяно-русскаго и историческаго отдѣленій историко-филологическаго факультета всегда было не велико въ Варшавскомъ университетѣ; тѣмъ не менѣе и изъ этого меньшаго числа слуша-

телей Макушева выдвинулось уже нѣсколько человекъ, заявившихъ себя на поприщѣ славяновѣднїя литературными трудами.

Изъ научныхъ изданій Макушева послѣдняго, профессорскаго періода его жизни первое мѣсто занимаютъ два тома его „*Monumenta historica Slavorum meridionalium vicinorumque populorum*“, изъ коихъ первый напечатанъ въ Варшавѣ въ 1874 г., а второй въ Бѣлградѣ въ 1881. Правда, историческій матеріалъ изданъ тутъ въ сыромъ видѣ и не всегда со строгимъ выборомъ; но это не лишаетъ изданіе Макушева большой научной цѣнности, на ряду съ подобными изданіями (Шафарика младшаго, Любича и др. Очень жаль, что Макушевъ не успѣлъ издать хотя бы въ такомъ же сыромъ видѣ и остальныхъ памятниконъ, вывезенныхъ имъ въ спискахъ изъ Италїи. Оставшіяся не изданнымъ матеріалъ очень обширенъ; его хватило бы еще на полдюжины томовъ, даже при печатаніи съ выборомъ и сокращеніями. Слѣдуетъ ожидать, что кто-либо изъ учениковъ или сотоварищей Макушева по наукѣ воспользуется этимъ богатымъ матеріаломъ и издастъ его въ томъ или другомъ видѣ.

Важное научное значеніе имѣло бы и изданіе по запискамъ покойнаго историка славянскихъ литературъ, о чемъ поговаривалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни. Къ сожалѣнію, оставшіяся для этого матеріалъ очень не половъ. Однако отдѣльныя главы этого труда обработаны на столько, что могли бы быть изданы съ нѣкоторыми дополненіями и поправками. Особенно относится это къ курсу польской литературы, который Макушевъ успѣлъ довести до сравнительно большей полноты.

Спеціальныи курсъ текущаго учебнаго года Макушевъ посвятилъ внутренней исторїи Далматїи и особенно Дубровниина. Курсъ этотъ обработанъ на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, особенно статутонъ далматинскихъ городовъ и общинъ, и представляетъ серьезную научную цѣнность, хотя онъ и остался не законченнымъ.

Осенью 1880 г. Макушевъ былъ вновь командированъ на одинъ годъ за границу съ ученою цѣлью, при чемъ успѣлъ посѣтить Гатчину, Румынію, Сербїю и Венгрію, занимаясь въ архивахъ Кракова, Львова, Бѣлграда и др. Отчетъ объ этомъ путешествїи напечатанъ въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ; обстоятельныя же обзоры нѣкоторыхъ важныхъ рукописей помѣщены въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенїя и Русскомъ Филол. Вѣстникѣ на ряду со многими библиографическими замѣтками покойнаго.

Кромѣ означенныхъ изданій строго научнаго содержанія, Макушевъ написалъ большое число журнальныхъ и газетныхъ статей по разнымъ вопросамъ политической и общественной жизни Славянъ. Въ этихъ статьяхъ онъ является не только истинно-русскимъ человекомъ, но и искреннимъ славянолюбомъ, хотя онъ любилъ говорить, что „подчиняетъ интересы славянства интересамъ Россіи“. При здравомъ пониманіи тѣхъ и другихъ, какимъ безспорно обладалъ Макушевъ, не встрѣчалось, конечно, надобности въ такомъ подчиненіи, такъ какъ эти интересы всюду идутъ параллельно, а не въ расходящихся направленіяхъ.

Въ послѣдніе годы жизни ученая, педагогическая и общественная дѣятельность Макушева была все болѣе и болѣе парализуема разными недугами. Первые предвѣстники ихъ появились уже въ 1874 г., слѣдовательно за девять лѣтъ до роковаго исхода. Въ 1880 г. положеніе его здоровья было столь серьезно, что врачи опасались уже за его жизнь. Заграничная поѣздка спасла на этотъ разъ больного, который возвратился изъ нея въ довольно удовлетворительномъ состояніи. Но съ 1882 г. Макушевъ опять началъ хворать; однако еще 8-го января 1883 г. онъ принималъ энергическое участіе въ магистерскомъ диспутѣ одного изъ своихъ учениковъ и написалъ обстоятельный критическій разборъ его диссертациі ¹⁾. Въ февралѣ Макушевъ сталъ жаловаться на возрастающую одышку, и не смотря на оказанную медицинскую помощь, 2-го марта неожиданно скончался отъ паралича сердца, на рукахъ своего товарища А. И. Смирнова.

Съ тяжелымъ чувствомъ провожали его какъ мы, товарищи особенно русскіе товарищи, такъ и старшіе и младшіе, прежніе и нынѣшніе ученики покойнаго, безъ различія народностей, къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. На меня возложено было произнесеніе надгробнаго слова, которое позволено будетъ приложить и къ этому некрологу.

«Еще одна свѣжая могилка! Еще одна крупная убыль въ рѣдѣющихъ рядахъ дѣятелей славянской науки! Еще одна брешь въ живой стѣнѣ мирныхъ ратниковъ этого крайняго западнаго бастиона Россіи!

«Передъ нами гробъ, въ который сложены брвенные останки человека недужнаго, — въ которомъ свернуты тлѣнные покровы чувства живаго и пылкаго, воли рѣшительной и настойчивой, ума дѣятельнаго и самостоятельнаго. «Это чувство, при всей своей сосредоточенности и даже замкнутости, никогда не вмѣщалось въ узкіе рамки личнаго самолюбія; на оборотъ, оно

¹⁾ Статья эта появится на страницахъ *Ж. М. Н. Пр.*

всегда было открыто для чужихъ радостей и страданій, воспримчиво къ впечатлѣніямъ жизни общественной, отзывчиво на голоса историческаго хода большихъ и малыхъ народовъ.

«Эта—своеправная перѣдко воля, достигала высокихъ степеней напряженія, и притомъ не случайнаго лишь и мгновеннаго, по послѣдовательнаго, продолжительнаго, почти непрерывнаго. Въ полѣ ея дѣйствія были, правда, мертвыя точки, гдѣ ея сила какъ будто была парализована то порывами страсти, то инерціей навиковъ; но это отражалось болѣе на частной, чѣмъ на общественной жизни покойнаго, и достаточно искушено столь преждевременнымъ и трагическимъ исходомъ его жизненной борьбы.

«Этотъ умъ никогда не ограничивался горизонтами знанія, уже приобретеннаго, или выводами чужихъ наблюденій и опытовъ; нѣтъ, то былъ умъ питливый и критическій, трезвый и методическій, словомъ—умъ настоящаго ученаго, хотя и не поэта, не философа. Ему недоставало фантази, которая даетъ поэтическую окраску и философскій полетъ сухимъ научнымъ построеніямъ; но за то онъ свободенъ былъ и отъ опасностей приложенія дедукціи и широкихъ обобщеній въ научной области.

«Таковъ былъ строй основныхъ психическихъ силъ покойнаго. Силы эти достаточно были развиты школой и жизнью, закалены раннимъ сиротствомъ и испытаны приложеніемъ къ занятіямъ столь разнороднымъ, какъ служба дипломатическая въ первомъ періодѣ и учено-педагогическая во второмъ.

«Подъ какими же знаменемъ служилъ и къ какой дѣли направлены были эти силы и способности?

«Прежде и больше всего—наукѣ, и притомъ наукѣ чистой, безиримѣсной, объективной, на сколько можно говорить объ объективизмѣ живого человѣка, особенно же писателя-историка. «Наукѣ посвящены были и студенческіе годы покойнаго, отъ которыхъ осталось его медальное сочиненіе по славянскимъ древностямъ; и досуги его дипломатической службы въ Дубровникѣ, когда собранъ былъ матеріалъ для магистерской диссертациі по исторіи этого города; и многолѣтніе странствованія по древнехранилищамъ въ Италіи, изъ которыхъ онъ навлекъ до 20,000 памятниковъ по исторіи Юго-Славянъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ восточной Европы; и 12-лѣтнее служеніе въ званіи профессора Императорскаго Варшавскаго университета.

«Здѣсь не мѣсто и не время вдаваться въ подробную оцѣнку научныхъ работъ покойнаго; могу однако засвидѣтельствовать, что работы эти обезнечиваютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду исследователей историческихъ судебъ Балканскаго полуострова и смежныхъ областей восточной Европы.

«Но не одна наука сама по себѣ, не одинъ процессъ научныхъ розысканій одушевлялъ покойнаго нашего товарища. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей-космополитовъ, для которыхъ безразличенъ объектъ историческаго изслѣдованія, и которіе предпочитаютъ даже въ этомъ отношеніи чужое своему, хотя бы съ рискомъ ношенія дровъ въ лѣсъ. Нѣтъ, съ юныхъ лѣтъ покойный написалъ на своемъ научномъ знамени девизъ: славянство.

«Быть можетъ, самое его происхожденіе отъ русскаго отца и польской матери уже предрасполагало къ такой точкѣ зрѣнія, при которой исчезаютъ узкія грани діалектовъ и народностей, и гдѣ всеславянство является примиря-

тельнымъ терминомъ для всѣхъ этимологическихъ и историческихъ контрастовъ и разнородностей нашего племени. «Это племенное единство Славянъ должно, по взглядамъ покойнаго, прежде всего отражаться въ наукѣ, въ сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій, литературъ, исторій, права и т. п. И дѣйствительно, отраженіе такого взгляда мы находимъ во всѣхъ сочиненіяхъ покойнаго по славяновѣдѣнію. Даже въ тѣхъ трудахъ его, гдѣ предметомъ изученія являются народы восточной Европы, напримѣръ, Албанцы, Греки, Турки, Румыны, Мадьяры и ин. др. Мы явственно замѣчаемъ движенія того же всеславянскаго чувства, объясняемаго его убѣжденіемъ въ принадлежности и этихъ народовъ къ нашему историческому міру, къ нашему культурному типу.

«Но покойный понималъ и то, что славянство было бы предметомъ скорѣе археологическаго, чѣмъ историческаго изученія, скорѣе теоретическаго и сентиментальнаго, чѣмъ практическаго и политическаго интереса, еслибы рядомъ съ дробными вѣтвями западныхъ и южныхъ Славянъ не существовала Россія, дающая имъ общій стволъ, центръ тяготѣнія и неизбѣжную опорную точку. Потому-то съ такою любовью вслѣживалъ онъ въ исторіи и жизни всѣ проявленія взаимодѣйствія между Россіей съ одной стороны, и Славянами южными и западными—съ другой. «То же убѣжденіе въ срединномъ положеніи и объединительномъ призваніи Россія въ средѣ Славянъ красною нитью тянется черезъ всѣ періоды его служенія сначала въ южной, а потомъ въ западной окраинѣ славянскаго міра.

«Да и могъ ли иначе смотрѣть на дѣло человѣкъ, посвятившій 25 лѣтъ упорнаго труда изученію печальныхъ судебъ разрозненнаго славянства въ прошломъ и его все еще не обезпеченнаго положенія въ настоящемъ? «Могъ ли онъ, проживъ двѣнадцать лѣтъ въ Варшавѣ, не замѣтить, что лишь непрерывный приливъ свѣжихъ силъ съ востока можетъ защищать еще нѣкоторое время этотъ полуподмытый уже берегъ отъ неустаннаго и все возрастающаго прибою западныхъ волвъ, пока дастъ Богъ—не побѣгутъ онѣ «съ обратнымъ шумомъ» съ востока на западъ!

«Умирая неожиданно, какъ солдатъ, сраженный пулей, Викентій Васильевичъ не успѣлъ указать мѣсто, гдѣ желалъ бы онъ сложить свои кости; но еслибъ ему и предоставленъ былъ въ этомъ отношеніи выборъ, то едва ли не палъ бы онъ на ту самую землю, гдѣ вырыта эта могила, — землю польскую, какъ его мать, но и русскую, какъ отецъ,—землю, все яснѣе и яснѣе освѣляемую объединяющимъ сводомъ славянскаго неба!

«Да почиетъ же тутъ въ мирѣ его тлѣнный прахъ, тогда какъ душа его уносится въ пещерные намъ предѣлы, оставляя за собою ясный и глубокий слѣдъ въ памяти не только насъ, современниковъ, но — надѣюсь—и отдаленнаго потомства».

Антонъ Будиловичъ.